

А. А. Садыкова

Российский государственный гуманитарный университет (Москва); anna-jadwiga@gmail.com

Х традиционные чтения памяти С. А. Старостина Москва, РГГУ, 26–27 марта 2015 г.

В конце марта 2015 года Институт восточных культур и античности РГГУ уже в десятый раз провел традиционные ежегодные чтения памяти Сергея Анатольевича Старостина (1953–2005). Все материалы конференции, как обычно, доступны на сайте «Вавилонская башня»¹.

Утренняя сессия первого дня чтений была посвящена в основном проблемам лексикостатистики. Заседание открылось докладом Виктора Порхомовского (ИЯз РАН) на тему «Генеалогическая классификация языков и парадигма сравнительного языкознания». Виктор Яковлевич предложил свое видение сравнительного языкознания как парадигматической науки. Он, с одной стороны, указал на те аспекты исторического языкознания, которые удовлетворяют критериям научной парадигмы по Т. Куну, но также отметил особый статус в этом отношении проблематики генеалогической классификации языков, чьи методы во многом не соответствуют принципам компаративистской парадигмы. Это и определяет отсутствие в научном сообществе согласия по многим важнейшим аспектам генеалогической классификации языков мира. Специальное внимание было уделено в докладе сильным и слабым сторонам лексикостатистики в контексте лингвистической компаративистики и генеалогической классификации языков. Докладчик обратил внимание на случаи, когда классификации, построенные на данных лексикостатистики, расходятся с выводами, полученными традиционными методами. По его мнению, это не свидетельствует о ненадежности лексикостатистики, но лишь указывает на необходимость искать причины подобных статистических аномалий за рамками генеалогических моделей, например, в области социальной и культурной антропологии и истории носителей соответствующих языков.

В докладе Михаила Васильева (ШАГИ РАНХиГС) «Можно ли доверять дереву? Анализ согласован-

ности лексикостатистических данных как критерий надежности полученной классификации» речь шла о том, как увеличить надежность получаемых результатов при построении генеалогического дерева. Ситуация, когда полученное дерево не удовлетворяет исследователя по каким-либо причинам, и надежность его построения ставится под сомнение, особенно часто возникает при работе с малоизученными языками. Как получить формальную оценку корректности генеалогического дерева, не зависящую от эмпирического опыта? Между двумя сравниваемыми языками всегда есть определенный процент совпадений. Если взять три языка, триаду по терминологии Васильева, и сравнить процент совпадений между любыми тремя из них, то в случае определенных расхождений между цифрами можно констатировать, что входные данные содержат ошибку. В работе, представленной на конференции, на примере индийских языков было показано, что ряд языков (в их числе, например, такой язык, как хинди) чаще оказываются в триадах с большим процентом ошибок. Если построить градацию по частотности вхождения идиом в триады с большим процентом ошибок, теоретически можно исключить наиболее проблемные идиомы из выборки, тем самым повысив конечную надежность построения дерева.

Антон Коган (Институт востоковедения РАН) выступил с докладом «Дардские языки и пятидесятисловная лексикостатистика». В докладе обсуждался вопрос о генетических отношениях дардских и индоиранских языков. По его подсчетам, совпадения между дардскими и индоарийскими языками составляют 43,5%, а между дардскими и иранскими 39,3%. В связи с этим, считает он, для построения генеалогического дерева для расчетов стоит использовать пятидесятисловный список. Кроме прочего, при работе с таким списком в исследование можно вовлечь больше идиомов, чем при работе со стословным списком. Одной из проблем при исследовании дардских языков с помощью

¹ <http://starling.rinet.ru/confer/confer2015.htm>

лексикостатистики является то, что в этих языках наиболее изученную большую часть представляют восточнодардские языки, которые подвержены сильному влиянию индоарийских языков, что отражается на получаемых результатах. Хорошим решением может стать использование метода корневой глоттохронологии, поскольку такие данные меньше подвержены контактному влиянию. Расчеты при помощи этимостатистики показали отсутствие дардско-индоарийской близости. Из этого следует, что увеличение совпадений происходит за счет контактных данных. Уменьшить влияние таких данных на топологию древа можно, если удалить восточнодардские языки из выборки, но это значительно уменьшит количество рассматриваемых идиомов.

Михаил Саенко (Южный федеральный университет) представил работу «Балкано-романские языки и лексикостатистика», в котором лексикостатистическим методом попытался определить, являются ли «малые» балкано-романские языки (исторорумынский, мегленорумынский и арумынский), а также молдавский отдельными языками или же диалектами румынского языка. Кроме того, он рассчитал возможное время распада прарумынского языка. Материалом для исследования послужили стодесятысловые списки Сводеша, которые собирались по словарям и при помощи опросника у носителей. Проведенный анализ показал высокий процент совпадения (86–93%) между исторорумынским, мегленорумынским и арумынским идиомами, при этом молдавский имеет 100% совпадений с румынским языком. Полученные данные подтверждают, что молдавский является диалектом румынского, а все остальные вышеперечисленные языки — отдельными языками. Расчеты при помощи программы Starling подтвердили небольшую глубину подгруппы: распад прарумынского языка датируется временем 1200–1300 лет назад. Подсчет инноваций по сто- и стодесятысловным спискам (двенадцать инноваций в стословном списке и четырнадцать — в стодесятысловном) подтверждает существование прарумынского единства на достаточно долгом периоде времени.

Завершил утреннюю сессию доклад Сергея Болотова (ИВКА РГГУ) «Квадратный трехчлен, или приыхательные против звонких: независимые свидетельства неклассических и.-е. языков в пользу глухости приыхательных». В докладе приводится материал таких индоевропейских языков, как славянские и балтийские, которые подтверждают первоначальную глухость приыхательных смычных (т. е. *T*, *Th*, *D* против традиционно восстанов-

ливаемых *T*, *Dh*, *D*). В качестве примера докладчик приводит, в частности, слова из славянской группы языков с суффиксом *-sl-*, который соответствует греческому суффиксу *-dl-*. Первоначальная глухость приыхательных смычных доказывает тождество модальных характеристик подсистем смычных этих прайзыков так называемым классическим языкам.

Дневную часть заседания открыл доклад Ильи Якубовича (РГГУ / Марбургский университет) «К происхождению латинского герундива». Известно, что в латинской грамматике различаются значения герундия (или глагольного имени) и герундива (или модального причастия). На сегодняшний день нет единого мнения о происхождении этих форм. Также возникают разногласия об их древности. У латинского герундива выделяются две функции: собственно герундив в качестве модального причастия и герундив в значении герундия, отличающийся от собственно герундия своими синтаксическими свойствами. В итальянских языках есть только герундивы, а форма герундия не встречается. Поэтому резонно реконструировать лишь форму герундива на общитеатальском уровне и считать герундий собственно латинским развитием, сначала функциональным, а затем и формальным. Что касается развития герундива, то интересной представляется теория Эдгара Стертеванта, согласно которой латинские герундивы на **-ndos* могут быть связаны с хеттскими генитивами от глагольных имен на **-tnos* > **-dnos* > *-nnas*: например, *huiswannas* ‘жизни’ (им. п. ед. ч. *huiswadar*), *harkannas* ‘тибели’ (им. п. ед. ч. *harkadar*). Предполагается, что латинский герундив также мог зародиться в предикативной позиции в результате реинтерпретации архаичного генитива на *-is* от индоевропейского глагольного имени (прим.: *equus dandus est* > ‘лошадь (для) давания > лошадь должна быть дана’). Однако в отличие от Стертеванта, считавшего метатезу **-tnos* > *ndus* в истории латинского языка чисто фонетическим процессом, докладчик склонен усматривать в ней аналогический компонент.

Владимир Дыбо (РГГУ) выступил с докладом «Акцентная система кельтского глагола на индоевропейском фоне». Докладчик доказывает, что в пракельтском индоевропейские долгие вторично сокращались или же сохранялись в зависимости от их положения по отношению к праиндоевропейскому ударению, место которого определяется по его месту в прабалтославянском. В ударной позиции долгие плавные давали рефлексы *-rā-* и *-lā-*. В предударном же положении долгие плавные со-

кращались и давали *-ar-* и *-al-*. Краткие плавные слоговые в ударном положении давали рефлексы *-ri-*, *-li-*, *-ni-*, а в безударном положении — *-ir-*, *-il-*, *-in-*, которые в положении перед *-a-* следующего слога расширялись в *-e-*. В докладе был приведен полный материал на такие типы рефлексации для отлагольных имен на *-t-* и *-n-*, а также для презентных основ. Следующим этапом этой работы Владимир Антонович видит проведение анализа всего именного корпуса кельтских имен.

Доклад Татьяны Михайловой (МГУ / ИЯз РАН) «От древнеирландского к среднеирландскому: данные стословного списка» был посвящен анализу данных стословного списка для среднеирландского языка. После скандинавского завоевания Ирландии в 800 г. н. э. случился перелом старой традиции, которая была преимущественно связана с монастырской деятельностью. Под скандинавским влиянием в среднеирландский период стали появляться новые формы, часть из которых не получила дальнейшего развития. При этом стоит учитывать, что письменная традиция, как правило, не отражает всей языковой нормы, и это сказывается на результатах работы со стословным списком. Согласно проведенным расчетам, за 500 лет в списке было утрачено 8% лексики. Подсчет данных за 850 лет (от среднеирландского к языку XX в.) дал шесть замен. От 700 г. до 2000 г. ирландский показывает 88% сопадений с шотландским и 78% совпадений с древнеирландским. Данные по среднеирландскому языку показывают восемь утрат за 400 лет начиная с древнеирландского периода. В итоге, отмечает докладчик, анализ данных показал, что среднеирландский язык не является предком современного ирландского и шотландского языков. Более того, подсчет данных показал, что «литературная» норма древнеирландского языка, которую принято было связывать с монастырской традицией, на самом деле сложилась уже примерно в 250 г. н. э.

Максим Кудринский (Институт востоковедения РАН) представил доклад «К проблеме порядка слов в хеттских гетерографических написаниях». В хеттской клинописи наряду с фонетическими знаками использовались также гетерограммы — шумерские и аккадские слова. Принято считать, что они являлись лишь одним из средств записи соответствующих хеттских слов и не имели собственной языковой реальности. В последние годы гетерограммы начали рассматриваться хеттологами как предмет, достойный самостоятельного изучения. Интересным является наблюдение, что гетерограммы могли изменять обычный для хеттского языка порядок слов в клаузе. Известно, что в хетт-

ском предложении большинство клитик занимают ваккернагелевскую позицию (позицию после первого слова в клаузе). В частности, если предложение начинается с именной группы, ваккернагелевские клитики ставятся после первой составляющей этой группы. В хеттских именных группах нормальный порядок слов — «зависимое слово + вершина», а в шумерографических и аккадографических, наоборот, «вершина + зависимое». Если ваккернагелевские клитики разбивают хеттскую именную группу, они обычно ставятся после зависимого слова (ЗАВ=КЛИТ ВЕРШ), а при разбиении шумерографической или аккадографической именной группы они часто ставятся после вершины (ВЕРШ=КЛИТ ЗАВ). Подобное положение дел нельзя объяснить при помощи чисто графической метатезы в соответствующих гетерографических конструкциях, поэтому приходится предположить, что они либо читались по-шумерски/по-аккадски, либо, как минимум, произносились с шумерским / аккадским порядком слов.

Заключительным докладом первого дня чтений стал доклад Александры Евдокимовой (ИЯз РАН) «Проблема заимствований в византийских греческих граффити». В византийских греческих граффити, найденных на разных территориях и датированных разными периодами, встречаются, кроме формульных выражений, имен и диалектных слов, заимствования из разных языков. Чаще всего это происходит на территориях, где коренное население говорило на других языках, — в таких случаях заимствования указывают на распространенные слова и обороты, иногда такие, которые не всегда очевидным образом переводятся на греческий. В докладе на примере латинского языка показано, как подобное двуязычие могло быть реализовано в речи. Латинское слово могло вводиться в текст в греческой орфографии или даже записываться латиницей. В материалах автора есть также примеры комбинации греческого корня и латинских аффиксов. В общей сложности в византийских записях можно встретить примерно половину текстов на греческом и половину на латыни.

Второй день чтений открылся докладом Михаила Живлова (ИВКА РГГУ / ШАГИ РАНХиГС) «Ненидоевропейский субстрат в финно-волжских языках». Автор доклада предлагает выделить субстратный пласт лексики в финно-волжских языках (саамские, прибалтийско-финские, мордовские и марийские) на основании определенных критерий. Некоторые ученые возводят такие слова к прауральским (Хелимский, Айкио). Но в представленном докладе опровергается данная гипотеза. Осно-

ваниями служат следующие параметры. Во-первых, автор обращает внимание на фонотактику, а именно на инлаутные кластеры. В уральских языках существует запрет на тип кластеров «шумный + сонорный», также невозможен кластер «носовой + *s или *š» и трехконсонантные кластеры. Кроме того, отсутствуют геминированные сонорные. Во-вторых, в приведенных примерах наблюдаются нерегулярные фонетические соответствия между сравниваемыми языками (**kaswa*-: фин. *kasva*- ‘расты’; мокш., эрз. *kas*- ‘расты’; луг. мар., горн. мар. *kuška*- ‘расты’). Также приведено несколько примеров («осина», «звезда», «десять») неуральской этимологии, которые иллюстрируют вытеснение исконной лексики. Стоит упомянуть, что представленные слова включают в себя земледельческую и животноводческую лексику, а также наименования различных видов деревьев. Можно предположить, что заимствования происходят из несохранившегося субстратного языка, не принадлежавшего ни к уральской, ни к индоевропейской семье, но, возможно, родственного «палеосаамскому» языку, послужившему источником субстратных заимствований в саамских языках.

Следующей в утренней сессии выступила Анна Дыбо (ИЯз РАН / ИВКА РГГУ) с докладом на тему «Отражение гуттуральных в тюркизмах венгерского языка». В докладе продемонстрированы типы отражения тюркских заднеязычных согласных в венгерских словах тюркского происхождения в разных позициях. Заимствование в венгерский из тюркских языков шло в несколько этапов. Предполагается, что ранние заимствования случились при контактах венгров, булгаров и аланов еще до возникновения Великой Булгарии, т. е. примерно в V—VI вв. н. э. Позднее — примерно с VII в. н. э. — можно выделить заимствования в венгерский из дунайского булгарского. И, наконец, есть заимствования, датируемые после IX в. н. э., когда венгры осели непосредственно в Венгрии. Кроме того, предполагаются также ранние кыпчакские (куманско-печенежские) заимствования, заимствования ногайского типа послемонгольского периода, а также османско-турецкие заимствования. Выделяют слой раннетюркских заимствований в венгерский, где начальное *k в заднерядных словах отражается венгерским *h. Согласно венгерской этимологической традиции, такие слова относят к самым ранним заимствованиям из булгарского в венгерский, связывая особенность рефлексации с правенгерским развитием *k > *h в заднерядных словах. Однако это развитие определенно произошло еще до контактов с аланским языком, по-

скольку в заимствованиях из аланского *h и *k различаются уже независимо от рядности слов. Следовательно, такая рефлексация тюркизмов (заведомо заимствованных не раньше контактов венгров с аланами) не объясняется правенгерским переходом, а должна иметь источником особенность конкретного тюркского языка-источника. По версии докладчика, тюркизмы с начальным *h в венгерском не могут быть булгаризмами, а, скорее, относятся к кумано-печенежскому уровню заимствования.

Ольга Мазо (ИВКА РГГУ) и Илья Грунтов (ИЯз РАН) представили доклад на тему «Место олетского диалекта в монгольской семье языков по данным глоттохронологии». Олеты — это монгольская народность, проживающая, главным образом, на северо-западе Монголии, а олетский диалект традиционно относится к ойратской диалектной группе. Представленные материалы — результат работы полевой экспедиции. В монгольских языках лексика стословника делится на три группы по степени устойчивости. Большая часть сохраняется во всех монгольских языках, другая часть (шестнадцать слов) отличается лишь в одном-двух языках, и, наконец, двадцать слов представляют неустойчивую часть стословника, поскольку различаются в большинстве монгольских языков. Такая картина является стандартной для неглубокой по времени распада семьи языков. В ходе расчетов выяснилось, что олетский диалект внутри северно-монгольской группы языков оказывается ближе всего к халхаскому языку, с которым он имеет почти 97% совпадений, а не к калмыцкому (95%) или к синцзян-ойратскому (96%), как скорее бы ожидалось.

Алексей Касьян (ИЯз РАН / ШАГИ РАНХиГС) представил исследование «Филогения цезской языковой группы: лексикостатистика и грамматические инновации», выполненное совместно с Яковом Тестельцом (ИЛ РГГУ / ИЯз РАН). В докладе рассматривались цезские языки, представляющие хронологически неглубокую группу, входящую в состав нахско-дагестанской (восточнокавказской) языковой семьи. В дискуссиях о структуре цезской группы по-разному оценивается положение гинухского языка. Согласно всем критериям, группа делится на две ветви: восточную (бежтинский, гунзипский) и западную (собственно цезский, гинухский, хваршинский). Двухэтапный лексикостатистический анализ показывает, что цезский — ближайший родственник хваршинского, а бросающаяся в глаза лексическая близость цезского и гинухского объясняется контактно обусловленными гомопластичными процессами. Для исследования были составлены стодесятисловные списки по де-

вяти языкам и диалектам, которые в дальнейшем были обработаны с помощью лексикостатистических методов: метод ближайших соседей, UPGMA, метод Монте-Карло с цепями Маркова в рамках байесовского подхода, метод максимальной парсимонии. Также были привлечены этнографические свидетельства, согласно которым гинухский язык находится в тесном контакте с соседними языками. Первоначальная лексикостатистическая классификация позволила предположить, что цезский и гинухский составляют отдельную кладу, что, в принципе, подтверждается общими инновациями в морфологии (напр., причисление существительных женского рода к неодушевленному классу) и фонологии (напр., потеря назализации; смешение працеэских плавных **r* и **l*). Однако после очистки лексических списков от случаев параллельного семантического развития все методы объединили цезский язык с хваршинским, а гинухский оказался отдельным таксоном. В ходе дальнейшего исследования не было найдено никаких общих черт цезского и гинухского, которые могли бы быть с уверенностью реконструированы на общийprotoуровень. Эти два языка не представляют собой единой генетической общности, а схожие фонетические, грамматические и лексические черты обусловлены тесными межязыковыми контактами и обычно должны объясняться как заимствования из цезского в гинухский.

Завершая утреннюю сессию, Олег Мудрак (ИЯз РАН / ИВКА РГГУ) выступил с докладом «К вопросу о рядах соответствий начальных носовых в восточнокавказских языках». Соответствия между сонантами в начальной позиции в восточнокавказских языках довольно нетривиальны, и это привело к выделению большого количества соответствий и в конце концов к постулированию значительного количества комплексных сущностей для право-сточнокавказского языка. В кавказских языках существуют классы согласования. Мотивированные классы — **w* (мужские человеческие имена), **j* (женские человеческие имена). Они не завязаны на внешний вид основы. В части языков есть различия по немотивированным классам имен — **b*, **d* (или **r*), реже **y*. Иными словами, представлены «губной», «нейтральный» и «йотовый» классы. Эти классы имеют взаимосвязь с внешним видом основы. В работе, представленной докладчиком, была предпринята попытка семантически определить эти классы, но стало очевидно, что никакие семантические критерии к этому материалу не приложить. Удалось выявить следующие закономерности: в начале слова на шумный губной согласный

(**b* или **p*) или на носовой согласный, **b* / носовой согласный в большинстве примеров переходит в **w*. То же самое можно наблюдать и в примерах с начальным **r* — доминирование нейтрального **b*-класса. На материале лакского и арчинского языков было выявлено, что подобного рода переходы возможны только при определенном типе основ, и согласовательные ряды зависят от качества последнего гласного основы. Можно предположить наличие кластеров с ларингалом для правосточно-кавказского уровня, заключил докладчик.

Дневную сессию открыл доклад Ольги Столбовой (Институт востоковедения РАН) «К структуре слова в чадских языках». В докладе рассматриваются последствия строгих ограничений, накладываемых на структуру слова в чадских языках. Такие ограничения способствовали нескольким процессам, которые можно было бы определить как борьбу между тенденцией присоединения аффиксов и стремлением сохранить двусложную структуру слова. Последнее привело к возникновению лабиализованных велярных и ларингалов, а также эмфатических звонких фонем (к примеру, структура *wk₁C₂* или *kwC₂* в семитских языках, но *kwC₂* — в чадских: арабский *kwāl* ‘говорить’ ~ чад. **kwal* ‘разговаривать’). Было установлено, что фонемы *b* и *d* в чадских языках восходят к сочетаниям с ларингалом. Кроме того, присоединение именных префиксов при стремлении сохранить биконсонантную структуру дало толчок к фонетическим изменениям, которые выходят за рамки регулярных соответствий. При присоединении аффикса к двусложному имени происходит редукция гласного префикса или корня и ассимиляция одного из согласных корня в образовавшемся кластере (например, **ta-ruz-* ‘вена’ > болева *tezze*, *rwze*, кирфи *tažži*, гера *titizi*). В докладе выдвигается гипотеза о том, что аналогичным образом могли трансформироваться и афразийские трехсогласные основы в чадских языках — **C₁VC₂VC₃* > *C₁VC₂C₃* / *VC₁C₂VC₃* > *C₁VC₃C₃* / *VC₂C₂VC₃* > *C₁VC₃* / *(V)C₂VC₃*.

Галина Сим (ИЯз РАН) выступила с докладом «К реконструкции системы консонантизма в право-екоидном языке». Экоидные языки — группа близкородственных идиомов, распространенных на юго-востоке Нигерии и прилегающих территориях Камеруна. Генетическое отнесение их неоднозначно, но традиционно они помещаются в южнобантойидную ветвь бантойидных языков внутри семьи бенуз-конго. Консонантные системы рассматриваемых в докладе идиомов в среднем насчитывают около 15—20 согласных звуков. Ряд изменений, характеризующих переход от право-екоидно-

го к современным идиомам, типологически частотен. Так, общей тенденцией является редукция конечных сегментов слова, в результате чего бантуским структурам *CVCV* соответствуют экоидные *CVC* и *CV*. В экоидных языках происходила спирантизация незднеязычных смычных и палатализация заднеязычных с последующей спирантацией аффрикат. Особенностью, не нашедшей пока полноценного объяснения, является расщепление рефлексов смычных по глухости/звонкости в языках экпарабонг и балеп. В докладе была высказана гипотеза о зависимости рефлексации от тоновой характеристики последующего гласного.

В докладе «К вопросу о лексико-грамматических маркерах языкового родства: восточносуданское ‘дерево’ на восточносуданском дереве» Георгий Старостин (ИВКА РГГУ / ШАГИ РАНХиГС) представил исследование, в котором рассматривались параллели между реконструированными формами для понятия «дерево» в разных подгруппах восточно-суданской семьи языков. Восточносуданская семья делится на две ветви, северо- и юго-восточную, разделение правосточносуданского глоттохронологически датируется VI–VII тыс. до н. э. Любопытной особенностью многих восточносуданских языков является наличие в их именных основах «застывшего» префиксального элемента **k*, который, по-видимому, на прауровне являлся продуктивной морфемой с неясным значением; регулярно обнаруживается он и в формах слова «дерево», например в правосточнонилотской основе **[k]=aye-* / **[k]=eye-* или в праюжнонилотском **ke:t* «дерево», **kwe:n* (сборательная форма) «деревья», «лес». Сопоставление нилотских данных с другими ветвями семьи (языки даджу, сурмийская группа, восточноджебельская группа) дает возможность вывести на глубокий прауровень парадигматическую оппозицию, где единственное число маркируется показателем **-t*, а множественное — показателем **-n*. В докладе подчеркивается, что столь яркие случаи реконструкции на правосточносуданском уровне парадигматической морфологии встречаются чрезвычайно редко, но даже один наглядный пример такого рода имеет огромную важность для доказательства исторической реальности восточносуданской гипотезы.

Сергей Кулланда (ИЛ РГГУ / ИВ РАН) выступил с докладом «Акцентуация в малайской и яванской эпиграфике», в котором обсуждались долготы гласных в раннесредневековой древнемалайской и древнеяванской эпиграфике. Докладчик предложил, что в древнемалайском долгота обозначала не качество звука, а ударение. Об этом свидетель-

ствует переход долготы на следующий слог в суффигированных формах: др.-мал. *dātu* ‘правитель’ — *datā* ‘сан правителя’ и т. п. (видимо, ударение не могло падать дальше второго слога от конца), а также то, что знаком долготы часто бывают помечены этимологически краткие слоги. В то же время в тех же надписях встречаются и слова без обозначения долготы, resp. ударения, в том числе и при добавлении энклитик и суффиксов: *winiña* ‘их жены’, *mat̪hidupi* ‘выращивать, вскармливать’, и т. п. Можно предположить, что это фонологически безударные слова, подобные японским атонным (дзэнхэйным) формам. Тем самым древнемалайская акцентная система обнаруживает сходство с тагальской. Несколько иначе обстояло дело в древнеяванском, где долгота была фонологически значима, явно ощущалась носителями языка, и потому ее обозначение не могло использоваться для маркировки ударения на этимологически кратком гласном, как в древнемалайском. Однако если в результате словообразовательных процессов в словоформе появлялись два долгих гласных, обозначение долготы сохранялось только на втором из них: др. яв. *rāta* ‘старейшина’ — *karamān* ‘совет старейшин’ и т. п., из чего следует, что в древнеяванском долгота была в том числе и маркером ударения.

Евгения Коровина (ИВКА РГГУ) в докладе «„Начальные гласные“ в языках майя» рассказала о слоях, начинающихся со звука, который условно называется «гласным». Условно — потому что в изолированном произношении слово в языках майя не может начинаться на гласный. Представленная работа имела целью продемонстрировать возможность использования данных морфологии для реконструкции фонетической системы протомайя и отдельных ветвей этого языка. Основной словоизменительной категорией имени в этих языках является категория принадлежности. Почти во всех языках майя различаются как минимум два варианта показателей этой категории, и выбор показателя определяется тем, на какой звук начинается слово. Обычно выделяются показатели для слов на гортанную смычку (орфографически — слова на гласную) и для слов на другие согласные, однако есть и исключения. Так, в юкатекских языках (ица, мопан, юкатекский майя) существует значительный класс слов на гортанную смычку, которые присоединяют набор посессивных показателей, присущих словам на другие согласные. Набор этих слов в различных юкатекских языках сильно пересекается. Возможно, это связано с тем, что во многих таких словах реконструируется ве-

ляризованный гласный. Различие двух видов гортанных смычек (или слов на «гласную» и слов на гортанную смычку) могло произойти еще в праокатекском языке. Подобное явление — использование «согласного» показателя в словах на ? — наблюдается и в других языках майя (в чонталь, чорти, иероглифическом майя, языках восточных майя и канхобальской группы). Однако там оно менее распространено и, видимо, появлялось в каждом из языков независимо. Интересен обратный процесс, присутствующий в чух и хакальтек, когда слова на «согласный» получают «гласный» показатель. В чух это слова на *h*- и *y*-, а в хакальтек часть слов на *h*.

Юлия Норманская (ИЯз РАН) выступила с докладом «Реконструкция парадигматической акцентной системы в обско-угорском глаголе». По данным ранее опубликованного словаря, мансийское разноместное ударение присутствует только в системе глагола. По тем же материалам, в тавдинском (южном) мансийском диалекте для всех глаголов имеется форма третьего лица множ. ч. настоящего времени, где ударение может падать как на первый, так и на второй слог. Спорадически в словаре приводятся и другие глагольные формы, в

которых также часто присутствует ударение на втором слоге. Но в северных и восточных диалектах разноместное ударение ранее не было зафиксировано. В докладе рассматриваются системы ударения в глагольной парадигме обского (северного) и юкондинского (восточного) диалекта мансийского языка. Исследование основано на полевых данных двух экспедиций (2013 год, кондинский диалект). Удалось установить, что в обоих диалектах восстанавливаются три акцентных парадигмы: первая с ударением, фиксированным на корне; вторая с ударением, фиксированным на окончании и третья с разноместным ударением, где в единственном числе ударение падает на первый слог, в дуалисе в первом лице на первый слог, в форме дуалиса второго лица, а также во втором и третьем лице дуалиса — на второй слог. Полексемное со-поставление акцентных кривых глаголов с помощью программы PRAAT указывает на необходимость реконструкции четырех акцентных парадигм на прамансиеском уровне, что подтверждается и сопоставлением мансийских данных с южнохантыйскими материалами, найденными в архиве М. А. Кастрена и точно совпадающими с современным низямским диалектом.